В этой связи о многом говорит и эпиграфика Спаса-Нередицы, колончатая надпись БЕНЬДИКОС возле фигуры святого.[112] А. И. Соболевский, специально рассматривавший эволюцию этого имени в древнерусских текстах, упустил из виду нередицкую надпись, более древнюю, чем приводимые им примеры. По его мнению, начальное Б является латинизмом, не свойственным для русской среды.[113] Мы добавим, что и беспрецедентная надпись АЛЬКОСА не свидетельствует о хорошем знании русского языка нередицким фрескистом, тем более, что в XII в. имя Алексей уже бытовало в Новгороде (Олекса, Олькса).

Может быть, как нам сообщил французский историк бенедиктинского ордена Дом Ги Мари Ури, известную роль в появлении бенедиктинцев в Новгороде сыграли миссионеры, действовавшие в соседней Эстонии,[114] в частности группа бенедиктинца Фулько, эстонца по происхождению, прошедшего выучку в Труа и Реймсе и около 1165 г. возвратившегося на родину в сане епископа.[115] В Киев, где, по мнению А. И. Соболевского, писалось Мстиславово Евангелие, бенедиктинцы пришли вместе с купцами, завязавшими устойчивые торговые связи между Регенсбургом и Киевом в начале XII в. В середине XII в. в Киеве был учрежден бенедиктинский монастырь, заселенный выходцами из шотландского аббатства Вены и подчиненный ему административно. Он просуществовал до монгольского вторжения в 1241 г.[116]

Номинально бенедиктинцы, жившие на Руси, занимались духовным окормлением обитателей западных купеческих колоний, поэтому православная церковь вынуждена была терпеть их присутствие. Но не входили ли предосудительные связи с латинскими монахами в число «многих пакостей», приписываемых Ярославу летописцем? Необязательно, чтобы бенедиктинец из окружения князя мог при необходимости становиться фрескистом, хотя, впрочем, в искусствоведении выработалось понятие о специально бенедиктинской живописи,[117] под которой понимается не только продукция бенедиктинских мастерских письма, но и монументальная живопись.[118] Возможно, что в нашем случае роль бенедиктинцев ограничилась участием в составлении программы росписи, а исполнение производилось, как обычно, местной артелью, имевшейся при дворе новгородского архиепископа.[119] Новгородскую кафедру занимал в это время Мартирий, в нередицкую роспись включена фреска тезоименитого ему св. Мартирия. Так или иначе, стилистические сближения с римскими фресками говорят, что в число «владычных паробков» архиепископа Мартирия входили мастера итальянской выучки. В этом нет ничего необычного для профессии фрескиста или мозаичиста, которые скитались по многим городам, ища заработка на новом строительстве, в то время как

---

[112] См.: В. К. Мясоедов, Н. П. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, стр. 24. Ср.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, № 79.

[113] См.: А. И. Соболевский. Жития святых в древнем переводе на церковнославянский с латинского языка. СПб., 1904, стр. 39.

[114] Ср.: В. К. Труммал. Русско-эстонские отношения от IX до начала XIII в. Канд. диссертация. Тарту, 1955 (машинопись).

[115] См.: R. Aubert. Estonie. — Dictionnaire d'Histoire et de géographie ecclésiastique, t. 15, Paris, 1963, стлб. 1068.

[116] См.: Ph. Schmitz. Histoire de l'ordre de S. Benoît, t. 3. Maredsous, 1948, стр. 143.

[117] См.: A. Pantoni. Opinioni, valutazioni critiche e dati di fatto sull'arte Benedettina in Italia. — Benedictina, t. 13, Roma, 1959.

[118] См.: J. Wettstein. Sant'Angelo in Formis et la peinture médiévale en Campanie. Genève, 1960.

[119] См.: Д. С. Лихачев. Новгород Великий, стр. 25.